

А. С. Сафина

Санкт-Петербургский государственный университет

**ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ В «ВЕНСКОМ ТЕКСТЕ»
(на материале романов П. Розая и Э. Менассе)**

В статье представлены результаты анализа особого способа конструирования «венского текста» в романах современных австрийских писателей. Вопрос взаимодействия истории и памяти в изображении городского пространства является актуальным в контексте современного гуманитарного знания. Целью исследования является детальный анализ взаимодействия исторических процессов и механизмов формирования коллективной и индивидуальной памяти в контексте конкретной городской среды, а именно в столице Австрии. Особенно ярко это можно проследить в произведениях авторов, работающих на стыке различных исторических и культурных контекстов. В исследовании «венский текст» представлен в романах Петера Розая *Vena. Metropolis* (2005) и Эвы Менассе *Vienna* (2005), видных представителей австрийской литературы, чье творчество глубоко связано с исторической памятью, культурной идентичностью и трагической проблематикой XX в. Методологическая основа настоящего исследования базируется на междисциплинарном подходе, интегрирующем методы литературоведческого анализа и культурологии. Основное внимание в работе уделено детальному изучению конкретных литературных текстов с акцентом на их корреляцию с городской памятью и городской идентичностью. Вена как городское пространство — это культурный и исторический контекст, представляющий собой специфическую текстовую конструкцию, в которой переплетаются различные нарративы и временные пласты. В произведениях Розая и Менассе австрийская столица выступает не только как географическое пространство, но и как пространство памяти, сохраняющей историю прошлого. Исследование городского текста через призму индивидуальной и коллективной памяти открывает новые перспективы для понимания личной идентичности персонажей романа, их «венскости». Исследование феномена истории и памяти в контексте «венского текста» современных австрийских романов имеет значение для литературоведения и культурологии. Оно позволяет верифицировать теоретические положения М. Хальбвакса о соотношении различных типов памяти и их влиянии на формирование коллективной идентичности, демонстрируя процесс интеграции личных воспоминаний в

коллективную память. Исследование акцентирует внимание на роли литературы в переосмыслении исторических нарративов и подтверждает взаимосвязь индивидуального и коллективного опыта в рамках теории социокультурной динамики. Результаты анализа могут быть использованы для интерпретации современных литературных произведений, изучения механизмов индивидуальной и коллективной памяти и проведения междисциплинарных исследований в области гуманитарных наук.

Ключевые слова: австрийская литература; «венский текст»; городское пространство; П. Розай; Э. Менассе; индивидуальная и коллективная память

1. Введение

Роль истории и памяти в изображении городского пространства в современной литературе привлекает внимание исследователей. В «венских» романах современных австрийских авторов Петера Розая *Vena. Metropolis* (2005) и Эвы Менассе *Vien-na* (2005) обращение к истории и памяти связано с особыми способами конструирования «венского текста», внесения своих составляющих в корпус литературных произведений австрийских писателей, создающих совокупность образов, мотивов и сюжетов, которые формируют «венский текст».

В контексте рассматриваемой темы возникает вопрос о том, что следует понимать под памятью и историей в рамках современного «венского текста» в произведениях Розая и Менассе. Действие в романах развивается в столице Австрии и ее окрестностях на протяжении 1930-х — начала 2000 гг. Перед читателями возникает панорама Вены, складывающаяся из многочисленных временных рамок, разнообразных историй и воспоминаний протагонистов, благодаря которым город как будто выступает из текстового пространства и становится уникальным участником повествования. Новизна исследования заключается в том, что оно фокусируется на уникальных механизмах передачи исторической памяти в творчестве австрийских писателей, рассматривая как «индивидуальную», так и «коллективную» память персонажей. Исследование подчеркивает важность материальных объектов, таких как городские улицы, здания и сооружения, которые не только служат фоном, но и становятся

активными носителями исторической информации, углубляя понимание взаимосвязи между городским пространством и его историческим контекстом. Через призму воспоминаний и персональных переживаний персонажей город обретает уникальную динамику и специфическую идентичность. Австрийские писатели виртуозно исследуют сложные взаимоотношения между индивидуальным и коллективным опытом, акцентируя внимание на том, как личные нарративы интегрируются в исторический контекст, формируя идентичность города.

2. Характеристика материала и методов исследования

История и память в городском пространстве являются ключевыми понятиями, которые не только формируют основу культурной идентичности, но и оказывают значительное влияние на литературный дискурс. В этом контексте целесообразно обратиться к художественной литературе, которая отображает реальность и, как утверждает немецкий антрополог и культуролог А. Ассман в своей работе *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*, выступает в качестве «медиальной репрезентации» общей истории, воспоминаний и пережитых потрясений, существующих в форме «культурных конструкторов внутри определенных социальных рамок» (АССМАН 2014: 23).

В ходе анализа истории и памяти в «венском тексте» важным представляется также обращение к труду М. Хальбвакса. Он одним из первых поставил проблему, которая до сих пор обладает острой актуальностью, проблему соотношения воспоминаний и истории. В работе *Социальные рамки памяти* автор акцентировал внимание на социально-коммуникативном аспекте воспоминаний, которые, по его мнению, не являются статичными, а формируются или реконструируются в процессе социального взаимодействия. Таким образом, индивидуальная и коллективная память зачастую проникают друг в друга и сплавляются (ХАЛЬБВАКС 2005). Его исследования продолжил П. Нора. Исследователь подчеркивал, что общая память не просто складывается и пополняется из личных воспоминаний людей, но и закрепляется в определенных аспектах: месте, предмете, представлении. В рамках рассматриваемой темы это место отчетли-

во определено – городская среда. Нора в своем труде *Места памяти* указывает, что городские места памяти являются одновременно «следами» минувшего и «наивысшим проявлением коммеморативного сознания» (НОРА 1999: 25). По мнению ученого, «места памяти» представляют собой ускользающее прошлое, все еще актуальное для определенной социальной группы, но подверженное риску полного исчезновения. В подобном сценарии «место памяти» трансформируется в исторический факт, лишенный подпитки со стороны «коллективной» памяти.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Важным представляется анализ «индивидуальной» и «коллективной» памяти протагонистов романов, жителей Вены, памяти, которая сохраняется в их сознании, отражается в устных воспоминаниях и дневниковых записях, и то, как она реализуется в исследуемых произведениях. В работе *Коллективная и историческая память* Хальбвакс подчеркивал, что «индивидуальная память», или «память личности» — это внутренне присущая автобиографическая память, сжатая во временных и пространственных рамках. «Коллективная память», напротив, носит социальный и исторический характер, и хотя она также ограничена временем и местом, имеет более широкие горизонты. (ХАЛЬБВАКС 2005) В романе *Vienna* Менассе подробным образом показана взаимосвязь памяти «индивидуальной» и «коллективной». Автор не концентрирует внимание на описании внешнего облика города, лишь намечает его локализацию, поскольку фокус повествования сосредоточен на венской семье, из воспоминаний членов которой и рождается «венский текст».

В романе речь идет о двух поколениях венцев, которые проживают в австрийской столице, имеют свою родословную и еврейские корни. Автор показывает возникновение и распад семейной истории, крушение идентичности персонажей, их «венскости».

Д. Грубер отмечает, что австрийская писательница в своем романе обращалась к подлинной исторической хронике и воспоминаниям своей семьи, «что помогло создать достоверные воспоминания о Холокосте и его влиянии на семьи, об отношении к евреям в тот период» (GRUBER 2017: 3). Сама Менассе от-

мечает следующее:

С одной стороны, нашу семью объединяла традиция рассказывать истории, и каждый постоянно боролся за звание лучшего рассказчика. С другой стороны, никто никогда не говорил о том, что на самом деле происходило во время войны. Все мое детство было наполнено этим напряжением между рассказами и молчанием — дилеммой «рассказывать или не рассказывать» (MENASSE 2015: 72).

Так, фрагмент прощания семьи с детьми на вокзале, отправляемыми в другую, свободную от фашизма страну, обнаруживает взаимосвязь памяти «индивидуальной» и «коллективной». Воспоминания бабушки и отца рассказчицы, от чьего лица и ведется повествование, разнятся:

Они прощались на западном вокзале Вены. Момент расставания с родителями мой отец забыл сразу и навсегда, потому что на платформе уже ждали толпы других детей, которые готовились покинуть страну. <...> Поезд зашипел, мой отец сидел в купе рядом с маленькой девочкой, которая размазывала слезы по своему лицу (MENASSE 2005: 30).¹

Таковы «индивидуальные» воспоминания ребенка, который в силу незнания не воспринимает прощание как нечто болезненное, трагическое, однако «индивидуальные» воспоминания его матери, которая провожала своих детей, иные:

Бабушка смотрела им вслед с тяжелым сердцем. Люди, присматривающие за ними, были заботливы, старшие дети были расстроены и подавлены. Мой отец ничего этого не замечал (Menasse 2005: 30).

Однако несколько лет спустя, при воспоминании о расставании на вокзале Вестбанхоф, «индивидуальная» память протагонистов дополняет память «коллективную». полнясь в момент разговора новыми деталями: шумом поезда, запахом сырости и криками детей. «Коллективная память» удерживает в себе знания об истории, о событиях, предшествовавших Холокосту, формируется за счет сплавления, слияния «индивидуальных памятей», осуществляемых с определенной исторической дистанции.

¹ Здесь и далее перевод немецкоязычных цитат автора статьи.

«Коллективная» память в «венском тексте» Менассе, несомненно, опирается на память «приватную», память одной семьи, но не исчерпывается ею: если воспоминания индивида проникают в коллективную память, они трансформируются, преобразуются, полнятся новыми подробностями. Тем самым объемней, детальней становится и городское пространство вокруг протагонистов.

По мысли Э. Шилла:

Восприятие индивидуума включает вещи, которые не ограничиваются его личным опытом. Память наделена не только воспоминаниями о тех событиях, которые индивидуум пережил сам, но и воспоминаниями других людей. Она преобразуется и меняется (SHILL 1981: 268).

Городское пространство в романе *Vienna* рождается не только из воспоминаний вымышленных персонажей романа, но и из истории семьи самой австрийской писательницы:

В моей памяти, как и в памяти моей сестры, на площади Шной-цельплац всегда царит лето. Моя мама ведет двоих детей по усыпанной белым гравием дорожке к красивому и светлому зданию клубного дома. Слева и справа растут кусты роз, сирени и ухоженные декоративные ели. Каждый увядший цветок, каждый пожелтевший листик немедленно убирает один из работников (MENASSE 2005: 282).

В роман *Vienna* включается определенная документальность, достоверность. Австрийская писательница предпринимает попытку восстановления собственной «венскости» через свою память, память рассказчицы, которая перекликается с памятью ее семьи. Тем самым осуществляется своеобразное возвращение в этот город, в эту городскую реальность, в «венский» контекст.

Менассе активно прибегает к приему ретроспекции в своем повествовании. Начиная с давнего прошлого семьи, она постепенно движется к настоящему, следуя за историей каждого ее члена, перемещаясь из Вены в Лондон, затем в Канаду, а оттуда на поля сражений в Бирме, а затем вновь в Вену уже после войны. Это позволяет автору не просто рассказывать историю, а погружать читателя в многогранный мир воспоминаний и ассоциаций, связывающих поколения и то место, Вену, где протекала их

жизнь. Австрийская писательница будто перелистывает старый семейный альбом, где каждая страница хранит частицу истории. Каждая глава представляет собой своеобразное раскрытие новой грани старого альбома, позволяя читателю проследить, как личная история одной семьи интегрируется в более широкий исторический контекст страны. Посредством воспоминаний персонажей читатель погружается в различные истории и культурные среды: от уютных улиц Вены и мелодичных композиций уличных музыкантов до жестоких реалий войны и процесса эмиграции. Менассе как будто говорит о том, что память — это не просто сущность, а целая вселенная, в которой обитают наши предки, их радости и горести. Эта ретроспективная структура способствует созданию многослойного и сложного нарратива.

О романе Розая *Вена. Metropolis* австрийский исследователь В. Шмидт-Денглер писал так:

«Венский текст» — это панорама, каталог деталей или лоскутное одеяло, которое соткано из всевозможных историй и персонажей. Текст города представлен как сеть взаимосвязей и пересечений, где каждый элемент имеет свое место и свою роль. Это полифоническая мозаика, в которой автор олицетворяет городскую жизнь (SCHMIDT-DENGLER 2005: 27).

Рассказы и воспоминания протагонистов как кусочки общей мозаики создают для читателя образ Вены и в романе Менассе. И если в книге Менассе «венский текст» выстраивается главным образом из памяти и историй ее персонажей, то в романе *Вена. Metropolis* на первый план выдвигается история самой Вены, представленная в многообразии и многослойности историй его действующих лиц. В романе Розая нет ярко выраженного главного героя. Автор рассказывает истории нескольких персонажей, которых он вводит в пространство города, динамически представленное в разных временных протяженностях. Обращаясь к «коллективной» памяти, Розай показывает, как из личных воспоминаний персонажей романа формируется память «общая». Так, один из протагонистов романа, Лейтомерицкий, которому удалось пережить Освенцим, задается вопросом, где начинаются его собственные воспоминания, а где истории, что он слышал от своего отца:

Ему предстоит длинный путь, мимо крестьянских хижин и плетеных заборов, по вязким тропинкам. Но это, должно быть, воспоминания отца, истории, которые рассказывал он сыну, а его собственные воспоминания теперь перемешались с отцовскими и входят в них... (РОЗАЙ 2005: 212–213).

Нора подчеркивал, что коллективная память имеет два уровня. Один из них — это память макроуровня, она обусловлена обществом и формируется исходя из общественных доминант: люди перемешивают свои воспоминания в соответствии с воспоминаниями других (НОРА 1999: 20).

В романе *Bena. Metropolis* Виктория и ее сын Альфред стараются вспоминать вместе, не стремясь дополнить историю новыми деталями, память одна на двоих, одинаковая, смешанная:

Оба они вспоминают: и надгробные камни светятся теплым блеском из-под темной зелени кустов туи, кипарисов и буковых деревьев, по белым, засыпанным мелкой галькой дорожкам они идут в кладбищенской тишине. Светит солнце, над ними бескрайнее небо (РОЗАЙ 2005: 157).

Второй уровень — это память микроуровня. Он связан с «индивидуальной» и «семейной» памятью и отражает воспоминания о городском пространстве в контексте личной истории горожан, воспоминания о любимых местах и покинутых домах, что можно наблюдать в романе Менассе *Vienna*:

В городе есть множество районов, улиц и кварталов, которые отличаются от остальной части города и сохранили свой уникальный характер. Жители этих районов и домов также имеют свои особенности. В каждую эпоху существует тесная связь между образом жизни, менталитетом группы людей и местом, где они проживают (MENASSE 2005: 507).

Визуальные образы, связанные с памятными для персонажей местами, играют значительную роль в формировании городского текста. По мнению Ассман, задача «мест памяти» в пространстве и во времени — вернуть события прошлого в настоящее. Благодаря таким местам протагонисты, поколение за поколением, могут превращать коллективные воспоминания в свои собственные, переживать их индивидуально. Подобное осовременивание прошлого происходит в определенной про-

странственной локализации за счет «устойчивых форм сохранения», а во времени — за счет «устойчивых форм повторяемости» (LUNNANN 1990: 96).

Менасе обращается к одному из мест памяти, к фотостудии Rupp & Kubla, где были сделаны последние снимки семьи рассказчицы перед отъездом ее отца и дяди из страны перед войной:

Студия Rupp & Kubla была довольно известной, там делала красивые, строгие фотографии. Возможно, дело было в спешке и в том, что встречу назначили очень срочно, возможно, мастер был не совсем в себе из-за великолепной внешности моей бабушки или беспокойных времен, но, как бы то ни было, на фотографиях оба мальчика выглядят напуганными до смерти. А снимки немного размыты по краям (MENASSE 2005: 31).

Впоследствии в повествовании многие члены семьи будут не раз возвращаться к этой фотостудии, вспоминая тот самый, давний визит перед войной, в попытке вернуться в реальность городского пространства, восстановить связь времен, заполнить глаза тех самых когда-то маленьких мальчиков не ужасом скорого расставания, а радостью возвращения домой, в свой город, свою семью.

У Розай для протагонистов романа *Вена. Metropolis* памятными местами, которые возвращают прошлое в настоящее, становятся улицы и архитектурные сооружения:

Фасады домов когда-то были украшены гипсовыми карнизами и лепными фронтонами, о чем еще напоминают то тут, то там их чудом сохранившиеся остатки, но после войны лепнину просто-напросто сбили, ведь уход за домом в этом случае обходится дешевле (РОЗАЙ 2005: 91–92).

Розай прибегает к активной локализации в пространстве, что предоставляет большую вариативность для анализа материальных объектов, которые представлены описанием городских зданий и сооружений и которые, несомненно, служат важными символами и узнаваемыми топонимами. Это и названия районов Вены, городских улиц и площадей, архитектурных памятников, кофеен (улица Рингштрассе, Дунайский канал, площадь Шварценберг, кафе «Империял»).

По мнению Ассман, люди запечатлевают собственные воспоминания не только в знаках или предметах — тем же целям

может послужить определенное место: жилая комната, двор дома, площадь, город и ландшафт (АССМАН 2018: 236). Место для Розая является конкретной точкой, где осуществлялась человеческая деятельность. Оно индивидуализировано и имеет свое имя (топоним) и историю, связано с человеческими судьбами, переживаниями и воспоминаниями. Так, например, дом профессора Вольбрюка, который был построен в то время, когда монархия в Австрии клонилась к закату, пережил множество изменений в стране, не утратив своего величия и сохранив историю семьи.

В окружении огромных, почтенного возраста деревьев со сказочными кронами стоит этот дом, с белой облицовкой, с большими окнами и белыми рамами, с выкрашенными в белое открытыми балконами, ну просто небольшой замок. Украшает его и настоящий аттический портик, а в крышу, покрытую обычной черепицей, вставлены выпуклой формы окошечки и лючки, которые, подобно глазу, затуманенному мечтой, смотрят в сад (РОЗАЙ 2005: 143).

Протагонисты романа Менассе запечатлевают собственные воспоминания о военном времени в старом доме, где бабушка и дедушка рассказчицы провели значительное время в тот страшный период:

И она снова и снова шла к этому мрачному сырому дому, где ее ждал мой дедушка и который им нужно было покинуть по первому сигналу сирен. Они оказывались в темных и мрачных коридорах бомбоубежища и не знали, какой вариант хуже — быть тут или там (MENASSE 2005: 48).

По мысли В. Фогль,

Петер Розай в данном романе выступает скорее как киноаналитик, он не описывает своих персонажей детально, не стремится анализировать их действия, но предпринимает попытку изобразить их как часть города, вплести их в «городское» пространство (VOGL 2006: 21).

Многоликость города, его раздробленность на множество локализованных пространств и множество историй, который рассказывают протагонисты, помогает создать «живой» образ города.

4. Заключение

Розай и Менассе вносят свою лепту в создание многослойного «венского текста», где множественность вариантов «воспоминаний» и историй составляет совокупный образ Вены. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь прошлого и настоящего. История же — это репрезентация ушедшего, пережитого. На пересечении двух этих понятий и возникает городское пространство в романах австрийских писателей, где истории определяют пространство, а пространство становится неотъемлемой частью истории. Таким образом, анализ художественных произведений Менассе и Розай демонстрирует, как индивидуальная и коллективная память структурируют «венский текст», создавая многослойный образ города. Воспоминания персонажей, их личные нарративы, интегрированные с исторической хроникой, формируют сложную мозаику, в которой прошлое и настоящее Вены находятся в тесной взаимосвязи.

Оба автора применяют разнообразные литературные техники для визуализации данного процесса. Менассе акцентирует внимание на семейных воспоминаниях, ретроспекции и документальности, тогда как Розай предоставляет панорамный взгляд на город, в котором переплетаются судьбы различных персонажей. Общей чертой обоих романов является подчеркивание роли памяти в формировании как индивидуальной, так и коллективной идентичности.

В результате «венский текст» предстает не просто как описание города, а как живой организм, состоящий из воспоминаний, переживаний и надежд его обитателей. Он превращается в своеобразное «место памяти», где прошлое взаимодействует с настоящим, обеспечивая сохранение и передачу культурного наследия Вены будущим поколениям.

Список литературы / Zitierte Literatur / References

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. [Assmann, Aleida. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* (A long Shadow of the Past. Memorial Culture and Historical Policy). Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye (New Literary Review). (In Russian)].

- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1999. С. 17—50. [Nora, Pierre. (1999) Problematika mest pamiati (The Problem of Memory Locations). In: *Франция-память* (France-Memory). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 17—50. (In Russian)].
- Розай П. Вена. Metropolis. СПб.: Symposium, 2014. [Rosei, Peter. (2014) *Wien. Metropolis*. Saint Petersburg: Symposium. (In Russian)].
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. [Halbwachs, Maurice. (2005) Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' (Collective and historical Memory). *Neprikosnovennyi zapas* (The Inviolable Reserve), 2–3 (40–41). Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>. (In Russian)].
- Gruber, Julia. (2024) *Performing Family Identity, Memory and Hybridity in the Works of Eva Menasse*. Retrieved from <https://pdfs.semanticscholar.org/9adc/39dfa5c7121beb4bed6fdd3eb43fa6e5e4e4.pdf>.
- Luhmann, Niklas. (1990) *Die Wissenschaft der Gesellschaft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Menasse, Eva. (2009) *Vienna*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Menasse, Eva. (2015) *Lieber aufgeregt als abgeklärt: Essays*. Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Schmidt-Dengler, Wendelin. (2005) Urbane Polyfonie. Peter Roseis großer Roman „Wien Metropolis“. *Der Standard*, 2.7, 26—27.
- Shils, Edward. (1981) *Tradition*. Chicago: University of Chicago Press.
- Vogl, Walter. (2024) *Absolut Wien. Über Peter Roseis Roman „Wien Metropolis“*. Retrieved from <http://review.keioup.co.jp/PaperFolder/pdf/02/2006/0204201.pdf>.

Anna S. Safina
Saint Petersburg State University

**History and Memory in the “Vienna Text”
(based on the Novels by P. Rosei and E. Menasse)**

The article analyzes a special way of constructing the “Viennese text” in the novels of modern Austrian writers. The issue of the interaction of history and memory in the representation of urban space is relevant in the context of modern humanitarian knowledge. The purpose of the study is a detailed analysis of the interaction of historical processes and formation of collective and individual memory in the context of a specific urban envi-

ronment, namely in the Austrian capital. This can be especially clearly seen in the works of authors working at the junction of various historical and cultural contexts. In this study, the “Viennese text” is presented in Peter Rosei’s novels *Vienna. Metropolis* (2005) and Eva Menasse *Vienna* (2005), prominent representatives of Austrian literature, whose work is deeply connected with historical memory, cultural identity and tragic issues of the 20th century. The methodological basis of this research is based on an interdisciplinary approach that integrates the methods of literary analysis and cultural studies. The work focuses on a detailed study of specific literary texts with an emphasis on their correlation with urban memory and urban identity. Vienna as an urban space is a cultural and historical context, which is a specific textual structure in which various narratives and temporal layers are intertwined. In the works of Rosei and Menasse, the Austrian capital acts not only as a geographical space, but also as a space of memory preserving the history of the past. The study of the urban text through the prism of individual and collective memory opens up new perspectives for understanding the personal identity of the characters in the novel, their “Viennese”. The study of the phenomenon of history and memory in the context of the “Viennese text” of modern Austrian novels is important for literary and cultural studies. It allows us to verify M. Halbwaks’ theoretical positions on the relationship of different types of memory and their influence on the formation of collective identity, demonstrating the process of integrating personal memories into collective memory. This study focuses on the role of literature in rethinking historical narratives and confirms the relationship between individual and collective experience within the framework of the theory of socio-cultural dynamics. The results of this analysis can be used to interpret modern literary works, study the mechanisms of individual and collective memory, and conduct interdisciplinary research in the field of humanities.

Keywords: Austrian literature; “Viennese text”; urban space; P. Rosei; E. Menasse; “individual” and “collective” memory

Для цитирования:

Сафина А. С. История и память в «венском тексте» (на материале романов П. Розая и Э. Менассе) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 469—482.
DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-469-482.

To cite this Article:

Safina, Anna S. (2025) Istoriya i pamyat' v “venskom tekste” (na materiale romanov P. Rozaya i E. Menasse) (History and Memory in the “Vienna Text” (based on the

Novels by P. Rosei and E. Menasse)). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 469—482. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-469-482.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; принята к публикации 30.04.2025

The article was submitted 28.03.2025; accepted for publication 30.04.2025